

РОЛЬ И МЕСТО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Старцев М.В.

Россия, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
starcevmv@yandex.ru

Морозова В.Н.

Россия, Академия транспортных технологий г. Санкт Петербурга
balyshha@mail.ru

Аннотация. В статье отражены рассуждения авторов о роли и месте преподавателя высшей школы России в современных условиях с опорой на статистические данные и многолетний личный педагогический опыт. Негативные (с точки зрения преподавателей вузов) явления приводят к выхолащиванию педагогических кадров, к систематическому многолетнему снижению численности педагогов вузов, значительному сокращению притока молодых педагогических кадров в вузы страны. В статье приводятся рассуждения о причинах и следствиях данных негативных явлений, высказываются предположения о трансформации функций педагогов вуза и превращения их в недалеком будущем в некий придаток дистанционных образовательных технологий. Позиция авторов такова, что роль и значение педагогов вуза нивелируется, их место в трансформирующейся системе высшего образования точно не определено.

Ключевые слова: преподаватель высшей школы, профессорско-преподавательский состав (ППС), трансформация образования, система высшего образования, дистанционные образовательные технологии.

Думаем, что тезис о том, что личностное и профессиональное развитие будущего специалиста во многом зависит от преподавательского корпуса, не требует доказательств. Преподавателя в определенном смысле можно рассматривать как инструмент, с помощью которого идет обработка (возделывание) личности будущего специалиста. То есть педагог вуза встроен в некоторый «технологический процесс» по производству кадров. Но дело в том, что этот «технологический процесс» может претерпевать некие трансформации и претерпевает их. В процессе этих трансформаций меняется отношение государства к пониманию того, какие и в каком количестве инструменты задействовать в деле профессиональной подготовки кадров.

В качестве альтернативы «живому» педагогу выдвигается «бездушный» инструмент – дистанционные образовательные технологии. Они уже начали свое наступление на образовательное пространство вузов, постепенно как вытесняя с этого поля самих педагогов, так и трансформируя их деятельность.

Согласно статистическим данным, подготовленным НИУ ВШЭ, численность профессорско-преподавательского состава вузов (далее – ППС) последние годы неуклонно снижалась. Так, в 2017-2018 уч. году численность ППС в России оставляла 245,1 тыс. чел., в 2018-2019 уч. году – 236,1 тыс. чел., в 2019-2020 уч. году – 229,3 тыс. чел. [1, с.84].

Согласно данным Минобрнауки на 2020 г. в России профессорско-преподавательский состав насчитывал 223088 человек (штатных ППС), из них 35039 (15,71% от ППС) – докторов наук, 129628 (58,11% от ППС) – кандидатов наук [2]. Согласно тому же источнику число ППС в Тамбовской области (в которой проживает один из авторов) насчитывает 1350 человек, что составляет всего 0,1341% от численности населения области (см. таблицу 1), в то время как в г. Санкт-Петербург (где проживает другой автор) этот показатель в 3 раза выше и составляет 0,3920% (от численности жителей города).

Таблица 1.

Данные о численности и острепенённости ППС вузов столичных и отдельных провинциальных регионов РФ (*по данным Минобрнауки [2])

№	Субъект РФ	Численность населения, чел. (на 2020 г.)	Численность ППС, чел. (на 2020 г.)	Доля от численности населения субъекта РФ, %	Численность докт. наук, чел. (на 2020 г.)	Доля от численности ППС субъекта РФ, %	Численность канд. наук, чел. (на 2020 г.)	Доля от численности ППС субъекта РФ, %
1.	г. Москва	12 678 079	46624	0,3678%	8527	18,29%	24599	52,76%
2.	г. Санкт-Петербург	5 398 064	21161	0,3920%	3881	18,34%	11591	54,78%
3.	Тамбовская обл.	1 006 748	1350	0,1341%	232	17,19%	914	67,70%
4.	Воронежская обл.	2 324 205	4594	0,1977%	789	17,17%	2716	59,12%
5.	Калининградская обл.	1 012 500	1076	0,1063%	159	14,78%	632	58,74%

Данные, представленные в таблице 1, демонстрируют, что более крупные регионы аккумулируют в себе и больший интеллектуальный потенциал, о чем свидетельствует более высокий процент ППС в доле населения субъекта РФ. При этом доля докторов наук в общей численности ППС субъекта РФ в столицах выше, чем в регионах. В то же время по кандидатам наук наблюдается обратная картина. Доля ППС с кандидатской степенью в провинциальных вузах выше, чем в столичных.

Итак, приведенные цифры свидетельствуют о неуклонном снижении численности ППС в России, при этом наблюдается особенность, что доля ППС (от общей численности населения субъекта РФ) тем меньше, чем меньше численность населения данного субъекта. Так же в дополнение стоит отметить, что соотношение количества студентов и количества преподавателей изменилось в сторону увеличения числа студентов на одного преподавателя вуза с 11 до 12 студентов на одного преподавателя (начиная с 2018/2019 учебного года) [1, С.85].

Прагматика нашего времени такова, что современный образовательный процесс в высшей школе с теми аморфными требованиями, предъявляемыми государством к уровню образования выпускника, не требует такого числа педагогов. И, собственно, ценность педагога для системы высшего образования (если говорить в общем) не столь высока, как это было ранее.

В системе высшего образования наблюдается заметный дисбаланс между потребностью экономики и государственным заказом на подготовку профессиональных кадров. Ярким примером тому является потребность современной экономики в IT-специалистах (особенно в программистах). У вузов просто нет достаточных кадровых ресурсов для утоления этого кадрового голода. То есть кадровый голод в вузе порождает кадровый голод и в зависимых секторах экономики. В тоже время государство пытается поддержать ряд направлений подготовки, входящих в естественнонаучный блок (таких как химия, физика, биология, география и др.), путем выделения значительно количества бюджетных мест в вузах (КЦП). Но парадокс заключается в том, что реальному сектору экономики такого количества специалистов не требуется. О низкой потребности в той или иной категории специалистов свидетельствует как само отсутствие рабочих мест, так и низкая заработная плата. В этой связи наполняемость учебных групп по данным направлениям подготовки невысока, а уровень подготовки абитуриентов (судим на основании результатов ЕГЭ, что подтверждается и собственным педагогическим опытом) ниже средних показателей по вузу.

Обратимся вновь к примеру с подготовкой IT-специалистов. Не смотря на насущную потребность рынка в данного рода специалистах, большинство вузов по большому счету не готовы «наладить конвейер» по их выпуску. Объясняется это тем, что у вузов не хватает собственных педагогов-специалистов высокого уровня, так как рынок предлагает им доход в несколько раз превышающий зарплату педагога вуза, что делает для многих преподавателей-«айтишников» выбор очевидным.

При разговорах о зарплате педагога обыватель может заметить, что две средние зарплаты по региону – это не такой плохой заработок. И это так, если бы это было так.

К сожалению, государство допускает некоторые «заигрывания» с общественным мнением, производя в СМИ декларации о зарплатах педагогов вузов. С одной стороны нет сомнения, что администрация вуза полностью выполняет Указ Президента РФ и достигает требуемого показателя о средней зарплате ППС. Однако, вся «беда» для педагогов и заключается, что зарплата именно средняя. Чтобы иметь заявленный государством уровень заработка преподаватель должен работать на 2 ставки (если мы говорим о кандидатах наук в звании доцента). Согласно трудовому кодексу педагог имеет возможность работать не более, чем на полторы ставки. К тому же в настоящее время на большинстве кафедр региональных вузов возникает дефицит нагрузки. Далеко не все штатные сотрудники кафедр имеют возможность работать даже на одну ставку (при имеющемся желании работать на полторы).

В этой связи, интересен вопрос: какая доля педагогов вуза из числа штатного ППС получает зарплату в размере 2-х средних (и более) зарплат по региону? По субъективным (и оптимистическим) ощущениям авторов эта доля не превышает 15%. Таким образом, можно отметить, что распределение фонда оплаты труда имеет диспропорцию, смещающуюся в сторону стимулирования труда административных работников и наиболее эффективных (с точки зрения привлечения в вуз финансовых средств) педагогов.

К тому же с момента вступления России в Болонскую систему произошла значительная бюрократизация процессов, имеющих место в вузе. Это обстоятельство угнетало и угнетает многих интеллектуальных, носящих в себе творческое начало педагогов.

Таким образом, формализация процессов, ужесточающийся контроль за исполнением формальных требований со стороны администрации в сочетании с несправедливым распределением оплаты труда приводит к постепенному выхолащиванию педагогических кадров вузов. Приведенные в начале статьи статистические данные подтверждают данную мысль. Отсутствие полноценного притока в вузы молодых педагогических кадров подчеркивает всю остроту ситуации и позволяет с уверенностью говорить о том, что сложившаяся тенденция по сокращению ППС вузов продолжится и далее. В обоснование данных слов, приведем некоторые цифры. Так, доля молодых педагогов в возрасте до 30 лет в Державинском университете не превышает 7 % от общего числа штатных преподавателей вуза [3]. По данным исследования НИУ ВШЭ за 2020 год доля педагогов вуза в России в возрасте до 30 лет ещё ниже и составляет 5,1% [1, С.84], что указывает на системные проблемы в сфере высшего образования.

Подытожим все выше перечисленное. Размывание требований со стороны государства к подготовке профессиональных кадров (федеральные государственные образовательные стандарты становятся все менее конкретны и требовательны к содержанию образовательных программ) имеет своим естественным следствием и снижение требований к ППС. Ряд педагогов вуза могут не согласиться (и даже возмутиться) по поводу снижения требований, ведь работы по составлению учебной документации и различного рода отчетности меньше не становится, а даже наоборот. Но та часть трудовых обязанностей педагога вуза, которая прирастает последние годы требует не эрудиции, не профессионализма и доскональных знаний в своей области, не педагогического таланта, а скорее терпения и покорности к требованиям администрации по бездарному растрачиванию человеческих сил и энергии. В качестве компенсаторного механизма к растрате своего времени и сил у педагогов развивается формальное, бездушное и даже недобросовестное отношение к своим обязанностям в отношении учащихся.

Преподаватели вузов уже многие годы (трудно сказать точно, но по крайней мере 10 последних лет точно) погружены в атмосферу неопределенности: сокращение часов усиливает рост конкуренции за нагрузку при интенсификации нагрузки (увеличении затрат времени на выполнение трудовых функций при одинаковой оплате труда), все это подавляет моральный настрой педагогов и ухудшает моральный климат в коллективе, престиж профессии педагога вуза крайне низок, отношения в системе «вуз-педагог» приобретают прекарный характер. Подробнее об особенностях труда преподавателей вузов на современном этапе мы писали в наших ранних работах [4, 5].

Если по какой-либо причине эти тенденции не изменятся, то мы склонны считать, что роль педагога в высшей школе (для массового сегмента образования) будет падать, одновременно будет расширяться внедрение в образовательный процесс вуза технологий дистанционного обучения. Преподаватель постепенно будет становиться второстепенной по отношению к дистанционным технологиям сущностью, вынужденной подстраиваться под их технологические особенности.

Стоит полагать, что и слово «преподаватель» будет постепенно вытесняться из обихода. Уже входят в массовое употребление, применительно к образовательному процессу, термины: коуч, ментор, тьютор, модератор, администратор курса.

Опять же оговоримся, если тенденции в образовательной политике нашего государства не изменятся, тогда можно с полной уверенностью утверждать, что в ближайшей перспективе (не более 10 лет) профессия преподавателя вуза в том виде, в котором мы ее еще знаем сейчас, не будет существовать. А если и останется, то только в вузах, предоставляющих элитарные образовательные услуги. Подчеркнем, что это частные суждения авторов, основанные на многолетних наблюдениях за трансформационными процессами, происходящими в системе высшего образования нашей страны.

Литература

1. Образование в цифрах: 2020: краткий статистический сборник / сост. Л.М. Гохберг, О.К. Озерова, Е.В. Саутина, Н.Б. Шугаль. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 120 с.
2. Сведения о численности профессорско-преподавательского состава образовательных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru/opendata/9710062939-svedeniya-o-chislennosti-professorsko-prepodavatel'skogo-sostava-obrazovatelnykh-organizatsiy-osushch>
3. Старцев М.В. Социально-экономические аспекты деятельности преподавателя провинциального российского вуза // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2019. Т. 18. № 4 (42). С. 82-86.
4. Старцев М.В., Джабраилов М.А. Преподаватель высшей школы в условиях современной системы образования // Преподаватель высшей школы: традиции, проблемы, перспективы. Тамбов, 2021. С. 16-22.
5. Старцев М.В., Джабраилов М.А., Колесникова О.И. Социально-экономические детерминанты трансформации системы образования в России // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2020. Т. 19. №4(46). С. 36-43.